

Горелая О. Н.,
заведующий отделом краеведческой литературы
ГБУК «Брянская областная научная универсальная
библиотека им. Ф.И. Тютчева»

МИР ВСЁ ЕЩЁ ХОРОШ, КАК НИ СУДИ... О ПОЭЗИИ А. С. БРОНА

В этом году, 3 января, исполнилось 85 лет со дня рождения Александра Брона (1937–2009), журналиста, поэта, скромного человека, ставшего Учителем для многих брянских писателей и так и не выпустившего ни одной своей книги.

Родился Александр Самойлович Брон в Харькове. О семье, родителях почти ничего неизвестно, только то, что отец преподавал в институте. Работать начал, видимо, рано. В трудовой книжке самая первая запись — «ученик токаря». А потом окончил заочно филологический факультет Таганрогского педагогического института. Работа в школе молодого человека, видимо, не привлекала. Некоторое время он трудился редактором в издательстве института, где выпускались методические и учебные пособия. Скорее всего, человека острого ума, как потом показала жизнь, обладающего журналистской хваткой, такая работа долго привлекать не могла. И Александр Брон оказался в Донецкой области, в Харцызске, стал корреспондентом городской газеты. И руководителем литературного клуба. Еще в Таганроге его стихи начала печатать институтская газета, опыт очень пригодился. Всё это вместе и стало призванием на всю жизнь — журналистика и поэзия [1, с. 27].

Попав вместе с женой в Брянск, Александр Самойлович стал редактором газеты «Автозаводец», сделал её лучшей многотиражкой города. Его сотрудники и сейчас вспоминают, как он работал: к каждому случаю подходил очень внимательно, изучал все точки зрения, чтобы не навредить людям, не обидеть их несправедливо. Самые сложные задачи, освещение наиболее острых проблем всегда брал на себя, никогда не пытался избежать ответственности. Этому учил и своих сотрудников. А еще он приучал их работать всерьез и много. При этом в редакции всегда была доброжелательная, «живая атмосфера», даже стихи наперегонки писали. И пустое место в газетной полосе Брон мог занять стихотворением, если надо было быстро что-то вставить. Вот один из таких примеров:

*По утрам на обугленных склонах
Догорают последние вьюги...
У литейного греются клёны,
Потирая озябшие руки.
Вот он, юный, стоит, намотав
Шарф тумана на тонкую шею.*

*Не жалейте его. Он не там,
Где полегче, а там, где нужнее.
В тёмных полосах копоти ржавой
Он стоит, не сгибаясь в поклоне,
И кора на ветвях шершава,
Как твои и мои ладони.*

Небольшое стихотворение, трудно назвать его высокой поэзией, но оно наполнено смыслом. И посвящено именно заводу и работающим на нем людям.

Одновременно А. Брон вел занятия в литературном клубе «Радуга», куда приезжали за опытом даже коллеги из Белоруссии. А в конце 1980-х годов известным становится литературный клуб «Красная строка» при Дворце

культуры Брянского машиностроительного завода. При всей мягкости, отсутствии даже намека на снобизм Брон мог быть достаточно жестким. Однажды его оппонент, которому показалось, что его стихи разбирают пристрастно, заявил что бросит «писанину». На что Александр Самойлович ответил ему» «Ну что ж, возможно, это и будет Вашим вкладом в литературу» [1, с. 28].

В 1991 г. вышел сборник клуба «Красная строка» «Острова». В небольшой книжечке всего 115 страниц. И 31 автор. Среди них много известных сегодня брянских поэтов, в том числе Владимир Евгеньевич Сорочкин, поэт, председатель Брянской областной общественной писательской организации Союза писателей России (2007–2021 гг.), Жанна Зарубина, Павел Прагин и др. Свои стихи Брон поставил в самый конец...

Я читала разные его стихотворения, написанные образно, ярко, порой хлётко, порой нежно, всегда чутко — к бесконечно любимой России, природе, людям... Важное место в его лирике занимают Слово, Поэзия, Работа, как раз, и определяющая отношение к слову... Но почему-то лично для меня дверцей в поэтический мир Александра Самойловича послужило совершенно сказочное стихотворение «Падает снег», – дни. Приведу его полностью:

*Над крышами, над тёплыми
(Не знают власти местные)
Опять собрались толпами
Создания небесные.
Из пуха, из пера ли...
На фонари слетаются
И в белые спирали
Над городом сплетаются.
Над городом,
Над гомоном,
Над новыми кварталами,
Над огненными ёлками
И трубами картовыми.
Летают над машинами,
Цветными каруселями,*

*Дорожками мышинными,
Садами облыселыми.
Тельца их невесомые
Всё кружатся и кружатся...
Как тонко нарисовано
Серебряное кружево!
Мигают «Беломором»
Дружинники дежурные.
А с неба валят хором
Снежиночки ажурные.
А флангами, а флангами
Плывут себе дома.
Покачивая флагами
И трубами дымя.*

Сказочно? Ещё бы! Здесь и «Снежная королева», и «Ирония судьбы», и вся наша жизнь, огненно-картавую суету которой так хочется иногда прикрыть — пусть ненадолго – невесомым прохладным кружевом. Иронично, легко летят снежинки, вот и сады уже не такими облыселыми кажутся. Ирония подчеркнута еще и тем, что такие хрупкие небесные создания – «снежиночки ажурные» — «валят хором». Автор использует просторечное «валить» (в данном случае в значении «падать массой»), подчеркивая отнюдь не безобидность героев своего стихотворения. Это воинство и дружинников не боится, тем более на флангах дома – у него похожие на военные корабли. Вот такая картина зимнего города... Очаровывает? Несомненно! Но как же она реальна в своей сказочности...

Это и поражает у Брона: его мир, мир человека бывалого, много повидавшего, журналиста, не понаслышке знакомого с жизнью заводов, села,

Вот и получается, что у настоящего Поэта «Чернила как чернила, / Да с кровью пополам». Да и разве может думать иначе человек, который прекрасно понимает роль и силу поэтического слова? Понимает ничуть не хуже, чем слабости собратьев по перу. Стихотворение «Поэты ссорились всегда...»:

*Наука тащит в жаркий спор
Холодный интеграл.
А некто ценный образ спёр
И в карты проиграл.*

*И пусть берёт! Чего дрожать
Над коробом добра...
Пора вселенную держать
На кончике пера.*

И ведь держал. Всю Вселенную, в которой жил. И в которой так хотел понять свою собственную роль:

*И вечно белыми костями
Усеян был Парнас.
Там идеал. А что есть мы?
Что будут знать про нас?*

Думается, всё же разобрался, понял Поэт всё. И о себе, и о Поэзии. И о тех, на чьих белых костях стоит не только и не столько Парнас, сколько Россия, Русь, восхищением, уважением, нежностью к которой делится Александр Брон со своими читателями в стихотворении «Кириллица»:

*Друзей любя, врагов не жалуя,
Былины помня наизусть,
Несла свой крест святая, шалая,
В соху запряженная Русь.
Как разглядеть её морщины,
Её подробные черты?*

*Хитры лубочные личины,
Умны историка труды...
Но под застёжкой древней книги
В червлёных буквицах найду
Её заплаты и вериги.
Её веселье и беду...*

Обратите внимание — правда, она всегда в книге, в Слове. Потому и не терпит автор пустоты, лишнего, со снисходительной иронией относясь к суетливым поэтам, что «ищут неожиданные темы». Просто они еще не поняли, что

*Поэзия — не факт стихосложенья,
Она, скорее, акт самосожженья.
Каких костров великолепный ряд
Уходит вдаль!..*

*Промолвят о поэте:
— Талантлив был, а вот погиб во цвете...
Но всё это неважно, если правда,
Что рукописи наши не горят.*

У Александра Брона, начитанного, образованного человека, много отсылок к произведениям других писателей, иногда явных, как в этом стихотворении, иногда скрытых, но всегда дающих возможность читателю заглянуть еще и в соседний творческий созидательный мир. И подумать — а почему именно сюда открылась дверца? Куда зовут? Что там ожидает? Может быть, войду, осмотрюсь и, когда вернусь, то лучше пойму, что сказал поэт? Вот и первое приведённое мной в этой статье стихотворение – не уводит ли оно в мир Иосифа Бродского, в его «Рождественский романс», где плывет «среди кирпичного надсада / ночной кораблик негасимый»... где другая, но такая понятная и реальная зимняя сказочность...

И это тоже подчёркивает умение поэта ценить Слово, слышать других. Возможно, этому тоже в какой-то мере научила работа журналиста, который

должен не просто собрать информацию, а разобраться в ней, оценить, не один раз взвесить каждое своё слово прежде, чем написать и отдать в печать материал, ведь любая неточность может сказаться на судьбах людей...

*Работа... Такая, сякая ли,
А без неё — куда я?
Скучная, интересная,
Всегда почему-то срочная,
Она через тундру — рельсами,*

*Она по бумаге — строчками.
Бросая тревожные отблески,
Крича телефонной мембраной...
Работа моя! Даже в отпуске
О ней не забыть, окаянной.*

В произведениях Брона нет ни в малейшей степени вторичности, зато есть мудрость писателя, который отдаёт и не тянется за возвратом:

*Я ж могу весь день без перекура
И пером работать, и киркой.
Буду у костра сушить портянки,
Жить, писать... За славой не гонюсь...*

Снова и снова в своих стихах возвращается Александр Самойлович к попытке понять и объяснить предназначение поэта, поэзии, ведь не просто так ищет он тайную гармонию в строках, извлекает из них «серебряную музыку» (помните лёгкое «серебряное кружево»?). Поэзия призвана служить... сказала бы человечеству, но нет... Поэзия Брона призвана служить Человеку – каждому, конкретному, его душе:

*Смешной поэт,
Безумный литератор,
Страданья раскалённая игла
Зачем тебе? Ведь это лишь театр —
Правдивая, но всё-таки игра.
Её высоких правил не нарушу,
Но знать бы, что возвышенная речь*

*Способна хоть одну живую душу
От роковой ошибки уберечь,
Любовь вернуть, когда мы одиноки,
Надежду дать, когда обречены.
И вдохновить, когда повиснут строки,
Как два конца оборванной струны.*

Такая позиция, а она выражена в стихах очень чётко, определила основную особенность лирики Александра Самойловича Брона – гуманность. Гуманность во всем — начиная с отношения к женщине и заканчивая глобальным отношением к миру, к жизни, которое прослеживается в разных произведениях, можно было бы назвать их философскими, но с учётом того, что у поэта своя философия, выражающаяся в конкретных зримых образах, а не в абстрактных понятиях. В стихотворении «Настроение» осмысление мира, вселенной, внутренних связей человеческого бытия – сначала хандрящим поэтом, которого не касаются тревоги планеты: «Мне смутно мерещились тусклые грани / Миром, где остались одни аксиомы...», «Качалась судьба при своей амплитуде, вилась по своей бесконечной спирали», а потом очнувшимся, вышедшим из бесконечного круга:

*И не было в общем-то альтернативы,
И не было спора великого с малым.
От первого крика к последнему мигу
Дорога была весела и сурова,*

*Как луч этот красный, упавший на книгу,
Где в тонкой виньетке портрет
Гончарова.*

И не зря красный луч падает на книгу с портретом Гончарова: в том мире, где были лишь аксиомы – застывшем, с правильно разобранными образами лишних людей – тоже был «Ильюша Обломов на пыльном диване», Обломов, которого так упорно и безрезультатно пытались разбудить. Оказалось достаточно удара грозы, чтобы пробудить поэта, а учитывая образный ряд, – Россию...

Ту Русь-Россию, которая поднималась всегда вся целиком против врагов, которая умела всегда и сражаться, и плакать. Удивительно красив перевод из «Слова о полку Игореве»:

*На заре летит дальней стороной
Ярославны плач птицей жалобной:
— О, могуч мой князь телом и душой,
Да пропал мой князь в стороне чужой...*

Не боюсь повториться – чувство слова, любовь к своей стране проявились здесь в полной мере. И всё же никогда, наверное, мы не будем так переживать и сопереживать старинным войнам и потерям, как тем, которые были совсем недавно. Те, кто читал или слышал стихи Александра Брона, одним из первых называют «Призыв сорок первого года». Это обращение к новобранцу, обращение человека, который уже знает, что будет с призывниками потом, и понимает, что, не будь этих юных солдат, не было бы и Победы:

*Рванёшь под машиной блицкрига
Последнюю связку гранат.
На шаг — но она не докатит,*

*На миг — но замедлит прыжок.
А вечером маршал на карте
Чуть-чуть передвинет флажок.*

Отношение поэта к уходящим на войну мальчикам – в описании дороги в войну:

*Мелькают стога и опушки,
Такие родные места...
Над окнами каждой теплушки
Поставлена в небо звезда.*

Оберег? Вряд ли, скорее, свет в пути, где бы ни оказались, как бы ни было там страшно и больно. Тема Великой Отечественной войны продолжена в стихотворении «Малиновка». Образ бывалого солдата, который в тихий день впервые замечает «И ягоду, и птицу, и шмеля...», видит красоту жизни, природы «Сквозь тёмный мох просвечивал родник / Мерцали сосен тонкие колонны...». Здесь тонкая передача игры света, тени, опять появляются нотки сказочности — просвечивает вода, сверкает на солнечном свету смола на сосновой коре, как будто переливаются и внизу, среди мха, и вверху, на деревьях, драгоценные камни, вокруг мирные звуки, которые и создают ту самую тишину, в которой не думают «о крови и о смерти». Но это война...

*Над пропастью,
Над тонкостью политики,
Над чёрными руинами держав
Стоял солдат,
пробитую пилотку
К затылку покрасневшему прижав.*

*Он был живучий,
белозубый,
рыжий,
Не воплощенный в бронзу и гранит.
Его убили. Падая, он слышал,
Как в сосняке малиновка звенит.*

У этого стихотворения есть два варианта, во втором отличается описание мирного дня, добавлены краски — горит вполнакала мухомор, плывут, не спеша, облака, что тоже подчеркивает тишину и спокойствие. В этом варианте усилен контраст спокойствия дня и трагичности гибели солдата на фоне нежно-ярких красок, звона малиновки:

*И тихо отмякала
И просветлялась медленно душа.
Хмелела чуть, как после доброй рюмки.
Весёлый звон, зелёное стекло!
Шагнул солдат, неловко вскинул руки,
О чём-то крикнул жалобно и зло...*

*Всё выдюжив, вложив свою щепотку
В историю народов и держав,
Стоял солдат,
пробитую пилотку
К затылку покрасневшему прижав.*

Ещё один момент — в стихотворении «Малиновка» по сравнению с «Призывом сорок первого года» более объёмно и символично представлена роль солдата в войне, в истории в целом.

Говоря о войне, её значении, о том, что пережил тогда народ, Брон не забывает о сегодняшнем нашем восприятии тех событий, о том, что воспитание патриотизма часто превращается в формальность. Стихотворение «Урок мужества» — это воспоминания человека, который воевал, который не может забыть страшных, но и героических событий своей молодости... Делится ими с детьми, несмотря на советы врачей «не мучать память». И ещё больнее оттого, что «А кто-то скажет: “К Дню Победы / Мероприятие провели”». Так ясно видна боль автора, переживающего несправедливость вместе со своими героями.

Есть у Александра Брона ещё одно очень трогательное, грустное стихотворение «Память о первой разлуке» — о безжалостности войны. Расстаются на причале двое, и только к середине произведения понимаешь, что речь идет о детях, едва подростках, которых и свела, и разбрасывает война:

*Мой отец недавно призван,
Твой под Киевом убит.
Две пылинки,
в вихре шалом*

*Мы кружить обречены
По баракам и вокзалам,
По обочинам войны.*

Рассказ ведётся от лица мальчика, образ девочки едва намечен, даже кажется, что вся картина написана цветными красками, а героиня — карандашом, но очень точные штрихи, увидишь много лет спустя — узнаешь:

*Возле стенки — на скамейке
Мы с тобою. Ты и я.
Так отчётливо и крупно —
Эта пристань и баржа.*

*Ты глядишь по-птичьи кругло,
Целлулоидную куклу
В тонких пальчиках держи.*

Тяжесть этого расставания («Но уже неотвратима / Полоса воды рябой, / Что встаёт в обрывках дыма / Между мною и тобой») подчёркнута и звуками — грохот сходней, нескучный («тёртый вдоль и поперёк») народ вокруг, голос в рупоре, шум воды, и отсутствием звуков — «Колокольни крик беззвучный». И яркими, экспрессивными красками окружающего детей мира — «Баржи ржавая щека» (похоже на запёкшуюся кровь), на плакате — драный фюрер «против

красного (опять цвет крови – О. Г.) штыка», медный рупор у рта человека, который сейчас, пусть и без злого умысла, разлучит тех, у кого только что, возможно, появилась надежда на поддержку и тепло. Выразительные звукопись, цветопись... А вокруг героев будто приглушённые краски: ветер «гонит пыльные волчки» - появляется серый цвет, блеклый, сами герои — две пылинки, да и воду видят «в обрывках дыма», те же серые клочки, закрывающие будущее...

Таким — принципиальным, готовым бороться за Добро и Справедливость, но и ранимым, чутким, мягким предстаёт лирический герой и в других произведениях Александра Брона. А большая часть его лирики – это разговор о любви. Образ любимой женщины меняется, это нежная доверчивая девушка в стихотворении «В общаге, на вагонной полке...», где ещё и не любовь, а лишь предчувствие её, ожидание:

*Когда во тьме сырой и зыбкой
Тускнеют звёзды и луна,
Её доверчивой улыбкой
Тропа моя освещена.*

*Я знаю грусть её спокойную,
Морщинку тонкую у губ.
Давно люблю её такую,
Но только встретить не могу...*

Для этой девушки герой пишет стихи, хочет, чтобы они ей понравились. Не нужны ему большие журналы, он скромнен, но точно знает:

*В общаге, на вагонной полке,
У коммунального огня,
В Москве, в тайге, в любом посёлке,*

*На Ангаре или на Волге,
А где-то ждёт она меня...*

Похожа на девушку из будущего и героиня стихотворения «Останься». Она провожает героя на вокзале...

...И вдруг

*«Останься!» — она прошептала.
Шепнула,
И ветер качнул провода.
Сухую листву разметал.
«Останься!»
И что-то, чего никогда
Я в этих глазах не видал.*

Тихие слова, но сколько в них силы, если их так явно слышит природа, если на них реагирует ветер. Герой уезжает, но и в стуке колес слышит тихое и упрямое «Останься!».

И в любых отношениях, как и в принципе в жизни, ценнее всего правда, которую можно сказать друг другу:

*Это счастье — ничего не прятать,
Ни о чем на свете не жалеть.
Будет жизнь хорошая, плохая —*

*Неизвестно, что там впереди...
Складывает крылья, отдыхая,
Бабочка у милой на груди...*

А там, где бабочка, — жизнь, трепет, счастье и тепло, что бы ни ожидало потом.

Ради забавы любимой и луну с неба достать можно:

*Если хочешь, тебе на колени
Положу для забавы луну.
Вот она, со щербиной у края*

*Золочёного шара. Причём,
Ты бы стала колдуньей, играя
Фантастическим этим мячом.*

Но лирическая героиня всё такая же, она скромна и капельку осторожна:

*— А если
Вдруг уроним и разобьем?*

Это и дополнительная характеристика героя — ему можно доверять безусловно, она не сомневается, что он луну достанет, сомневается лишь, стоит ли это делать...

И действительно, лирический герой Брона достоин доверия. Он умеет очаровывать, он обаятелен, но и остановиться вовремя (пусть и с помощью героини, что вызывает немного грустную улыбку) способен:

*Никому не скажешь, даже маме,
Коли поцелую и спрошу:
— Хочешь пересохшими губами
Прикоснуться к звёздному ковшу?
Подожжём и праздники, и будни —
Пусть горят, бросая алый свет.*

*Рассказать тебе, что с нами будет
Через год? А через десять лет?
Люди осторожны и колючи,
Но в душе доверчивы они.
Никому не скажешь... Только лучше
Ты меня сегодня прогони.*

И снова броновская живопись крупными мазками. Да, его лирика живописна, причем определить стиль, направление его в этом смысле бесполезно даже пытаться. Выпуклые масляные мазки в стихотворении, которое я только что цитировала. Сочетание карандаша и, я бы сказала, гуаши — «Память о первой разлуке», переливы венецианского стекла, драгоценной мозаики — «Малиновка»... А в любовной лирике реалистическая точность деталей, свойственная обычно живописи масляными красками, будто перемежается с легкостью акварели. Если проводить параллели с брянскими художниками, раз уж говорим о брянском поэте, то я бы назвала Евгения Васильевича Фетисова, одну из выставок которого мы так и назвали «Запечатлённый свет». Живопись, про которую нередко спрашивают — это акварель? Настолько она легка... Попробую проследить эту запечатлённость света и цвета на примере стихотворения «Это было давно». Акварельная лёгкость проявляется в самом начале, в первых строках:

*Шубку в угол повесила
И как-то доверчиво
Сказала: «А что мы
Будем делать до вечера?»*

*День большой и прозрачный,
Снег по красным карнизам.
Воздух в маленькой комнате
Зимним солнцем пронизан.*

Всё просто — но прозрачность воздуха подчеркнута золотом солнечных лучей, а их сочетание с красным делает происходящее праздником. Мебель, книги, пластинки... И вот уже солнечный день наполняется звучанием стихов и музыки, здесь Луговской, Смеляков, Евтушенко, здесь — пусть не звучат, но присутствуют, а значит, мелькают фоном, создавая настроение, — «фокстроты и полечки», «переливисто» поёт Нечаев. Обратите внимание — переливы

солнечных лучей, отражающихся от снега, подчеркнуты переливами музыки. И вдруг — невозможно резкий переход к чёрно-белой графике (может быть, чуть смягчённой сепией): герои перелистывают семейный альбом, читают в учебнике, «Как по степям / Кочевали кочевники», режут хлеб, наливают молоко... И снова мелькает солнечный лучик — молоко наливают «До того ободка золочёного». Невероятная картина, даже не одна — на общем акварельном золотисто-прозрачном фоне меняются картины в стихотворении... А всё вместе создает ощущение нежности, это образ рождения любви...

Намёк на возможность любви, потом, в будущем, скорее, даже предчувствие любви — в стихотворении «Окно». И снова — графика и акварель, сияющая мозаика и тёплое свечение масляных красок: вечерние, чуть подсвеченные фонарями, сосульки, накрывшая город пуховым платком белая метель... И вот появляются краски: сиреневый луч звезды выхватывает кариатиду на доме, на ветвях ели — изумруды. Лист графики, а рядом — великолепие мозаики. А дальше, несомненно, живопись:

*Морозным кружесвом светилось
Окно на первом этаже.*

Юный герой сквозь это окно попадает в кукольную сказку, видит девичий силуэт... Окрик дворника возвращает его из сияющего мира в реальность, но воспоминание о чуде остается. И оно противостоит серости будней:

*Но через годы, как ни странно,
В холодной тьме, в далекой мгле,
Он вспоминает кукольные страны
И тень от банта на стекле.*

Не это ли воспоминание получило свое продолжение в грустном, даже горьком, наверное, стихотворении о неизбежности одиночества, вызванного индивидуальностью, неповторимостью каждого человека:

*Пьёшь чай или вино,
С умом иль бестолково
Живёшь, а всё равно
Другого нет такого.
В одной постели спим,
Сидим в одном вагоне,*

*Но каждый со своим
Рисунком на ладони.
И огонёк на дне
Случайных чьих-то глаз,
Как свет в чужом окне
Притягивает нас.*

Где любовь — всегда найдётся место боли. Тем более если поэт не умеет закрывать глаза на реальную жизнь. У Александра Брона есть и разлуки, и расстояния, и безответные чувства... Иногда стихи даже кажутся жестокими:

*Там, где спокойно ест улитка
Цветов малиновую злость,
В окно мне кинули улыбку,
Как псу обещанную кость.*

*И рожки спрятала улитка,
Держа свой домик навесу.
Иди... А я твою улыбку
В зубах отсюда унесу.*

Сравните малиновый здесь, почти холодный, и красный с золотом в стихотворении «Это было давно». А ведь почти близки... Но ещё печальнее, когда любовь была, но умерла, когда чувство ушло, осталась лишь холодная, такая ненужная свобода:

На всех делит «румяное счастье» поэт, себе оставляя лишь последние крошки. Но ведь и вправду — дарить и раздавать всегда лучше, чем прятать для себя одного. Светлое произведение, в котором счастье сравнивают с хлебом, отламывая всем «по тёплой горбушке», но ни в коем случае не приравнивают к еде, ведь хлеб для поколения детей войны остался навсегда огромной ценностью, ценностью, ни с чем не сравнимой. Тема продолжена в стихотворении «У наковальни», предваряет которое эпитафия «Каждый человек — кузнец своего счастья». И вдруг оказывается, что, как ни старайся, какие правильные чертежи ни начерти, а счастье своенравно, не дается:

*Мудрец,
Назови мне
Того кузнеца,
Что эту работу
Довел до конца.*

Может, большего добились бы «те, что любят точность», а у лирического героя философских произведений Брона «...порядка / Всё нет ни в жизни, ни в душе».

Интересно и то, что даже в своей философии поэт остаётся брянским жителем, один из его героев — Козьма Прутков, создание А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых. Именно к нему обращен призыв:

*Стань вроде гласа трубного
И укажи перстом,
Как много в мелком крупного
И сложного в простом.*

Как порой не хватает нам Козьмы Пруткова, может, относились бы к себе менее серьёзно... А значит, сохранили бы способность удивляться миру и принимать жизнь со всеми её невзгодами, загадками и чудесами, ведь:

*Мир, понятный старикам и детям,
Все ещё хорош, как ни суди.
Катит поезд... Раз куда-то едем,
Значит, ждём чего-то впереди.*

Если человек прислушается к себе, к окружающим, он увидит, что многое — проще, чем представляется на первый взгляд, для этого надо только внимательно посмотреть:

*Вот и дожди отрыдали,
Стали прозрачными дали,
Тихо над городом встали
Радуг цветные мосты.*

*Так посмотри — не проста ли
Радуга в синем кристалле,
Наши мечты и печали —
Разве они не просты?*

Есть у Александра Брона явно более позднее стихотворение (на листах не проставлены даты), в котором простота получила совсем иную трактовку. И если в стихотворении «Вот и дожди отрыдали...» много света, радужного сияния, переливы граней небесного кристалла, то в «Упрямо и надолго...» все серое, тёмное и мутное:

*Упрямо и надолго
Дождь. Пусто, серо.
И фонарей наколка
На тощих рёбрах сквера.*

Даже блеск от дождя на дороге — и тот мутный, что подчёркивает полную безнадёжность:

*Не горечь и не радость —
Устал я после хвори.
Нахлынула бы радость,
Ударило бы горе...*

Разочарование, понимание того, что больше уже не решаешь ничего в своей жизни — итог и стихотворения, и многих размышлений поэта:

*Судьба — она у края
Небрежно карты мечет.
Игра её слепая
Проста, как чёт и нечет.*

Первоначально, концовка стихотворения показалась мне чёрно-белой, но потом пришло осознание полной темноты – «слепая». И всё же это настроение, а оно меняется. И не зря в философской стопке оказались стихи о лесе и грибах. Александр Самойлович был настоящим грибником. Даже вёл в «Брянской газете» колонку «Горожанин за городом». В лесу ему было всегда хорошо («Мне хорошо. С утра без грусти / Брожу в серебряном бору»). И самое главное, опять всё становится простым, как в счастливые времена:

*Избёнка у лесной дороги,
Ключа холодная струя...
В такое утро нет тревоги
О высшей сути бытия.
Вот закурю, умом раскину:
Чего ещё мне? Жив-здоров.*

*И лес кладёт в мою корзину
Щепотку от своих даров.
Тепло — как раньше, как вначале
От малой радости земной.
И ни одна из ста печалей
Не увязалась вслед за мной.*

В любимом лесу и оборвалась жизнь поэта, он собирал грибы...

Удивительный поэт, в лирике которого много примет времени – поездки в колхоз, барышня в фотоателье, с трудом отрывающаяся от «Трёх мушкетёров» ради посетителей, жизнь молодого агронома, только что после института приехавшего в село, а ещё очень много вневременного. Написанного то ли задолго до нас, несколько веков, может быть, назад, то ли вчера... Я начала очерк со сказки. Чудесными сказками Александра Брона хочу его и окончить.

В стихотворении, которое так и называется «Старая сказка» вы встретите лирического героя, который то странник, то седой фарисей, то бродячий актёр, то кот в сапогах... А маркиз, которому преданно служил талант последнего...

*С улыбкой неясной и слабой
За сказками Шарля Перро
Он дремлет.
И ветер над шляпой
Колышет фазанье перо.*

Как же хочется и самим сохранить до старости желание читать сказки... Впрочем, сказки тоже лучше читать свои, тем более в наших лесах скорее избушку на курьих ножках встретишь, как в стихотворении «Чудо-Юдо», а не маркизов с котами:

*Еле видимой дорожкой
Приближаясь к тем местам,
Где изба на курьих ножках
Любит шастать по кустам.*

*Ну, красотка! Мох на крыше,
На боку растут грибы.
Но бежит, себя накрывши
Тёплым дымом из трубы.*

Мягкий юмор, тёплый, как платок метели и дым из трубы, любовь к родным местам, которые сразу видятся заповедными... Ну кто ещё будет уговаривать избушку на курьих ножках, что она не птица, а «дом, в конце концов». Но избушка не слушается, убегает, да и сам автор согласен, что так правильнее:

*И пошла, ворон пугая,
Одуванчики топча.
Вот зашлёпала по ряске,
По болоту напрямиком...
А куда ей? Только в сказки.
Или в омут чердаком.*

А ведь есть у Брона не только сказки, но и баллада, написанная в духе ярчайшего представителя русского романтизма Василия Андреевича Жуковского...

Конечно, одного очерка для обзора творчества Александра Самойловича Брона недостаточно. Те рукописи, которые сохранились, хотелось бы опубликовать, чтобы они были доступны всем.

Список источников:

1. Александр Самойлович Брон. «Дядя Саша» // Новицкий А. ...А строки продолжают жить / Алексей Новицкий, Владимир Сорочкин. – Брянск, 2016. – Вып. 1. – С. 26-28.